

¹¹ Бакунин М. А. Тайные статуы Союза. 1868. Рукопись.

¹² Бакунин М. А. Тайные статуы Союза. 1868. Рукопись.

Павлов А. В.

Н. Н. Страхов о месте А. И. Герцена в русской умственной жизни

Сегодня где угодно можно встретить критику современной демократии. Вряд ли это вопрос моды. Многие историки, политологи и философы в настоящее время переоценивают либеральные идеалы и все более обращаются к консервативному течению социально-политической мысли. Ярким примером этому может служить недавно вышедшая книга А. Гулыги «Русская идея и ее творцы». Скажем о ней немного. Автор, рассуждая об исторической судьбе России в XIX и XX столетиях, приходит к выводу, что формула русской культуры, которой необходимо следовать, суть «Православие, самодержавие, народность»¹. «Нет, не демократия нужна нам сегодня», — говорит писатель, он обращается к «либеральной диктатуре», идеалу И. Ильина², наиболее удобному политическому устройству для России. А. Гулыга считает, что монархия для нас обладает целым рядом достоинств, что от единовластия нам не уйти. «Дай нам Бог диктатуру, ограниченную законом и опирающуюся на моральное сознание»³. Это ли не консервативное видение мира сегодняшних писателей-философов? Кроме идей монархистского настроения в тексте можно встретить и рассуждения о национализме: «Национальный вопрос запутан у нас до предела»⁴. «Нет оснований опасаться русского шовинизма: его как массового явления нет и быть не может»⁵. Писатель говорит о Достоевском, Соловьеве, Розанове, Бердяеве, Булгакове и прочих, но все это — религиозные философы, многие консервативные мыслители, так же воплощающие собой «Русскую идею», просто оставлены без внимания. Упомянув о национализме Достоевского, А. Гулыга почти ничего не пишет о его последователях, Данилевском и Страхове, определяя их лишь как «новое поколение славянофилов»⁶.

Наша задача теперь состоит в том, чтобы показать, как органическое слияние консерватизма и национализма было представлено Н. Н. Страховым в «почвенничестве», точнее, как он, обосновывая свои политические идеи, использовал А. И. Герцена (мыслителя, которого А. Гулыга также незаслуженно обошел вниманием) в качестве аргумента в политической борьбе с социалистическими теориями. Для начала обратимся к ближайшему окружению Н. Страхова, к его коллегам, которые также «по-почвеннически» воспринимали политические взгляды Искандера.

Например, А. Григорьев очень уважал Герцена, поэтому, не обращая внимания на его социалистическую агитацию, он считал его антиреволюционером и консерватором.⁷ Оценочные высказывания по отношению к Герцену Ф. Достоевского лучше всего привести в репликах Радомского (героя романа «Идиот»): «Все наши отъявленные, афишированные социалисты, как здешние, так и заграничные, больше ничего как либералы из помещиков времен крепостного права... каждая страничка их книг, брошюр, мемуаров написана, прежде всего, прежним русским помещиком. Их злоба, негодование, остроумие — помещичьи... их восторг, их слезы... помещичьи или семинарские»⁸ и «Свою ненависть к России (либерал) принимает за самый плодотворный либерализм... за истинную любовь к отечеству»⁹.

Н. Страхов выступил с более стройной и систематической критикой Искандера. После смерти Герцена необходимо было либо обругать его (что сделали многие), либо высту-

пить его апологетом, но нельзя было оставить этот вопрос без внимания. Страхов жестко оценивал деятельность Герцена, но это не была деструктивная критика, которой пользовались многие недовольные им, почвенник использовал Герцена в качестве аргумента в политической борьбе. Ряд статей, выходявших в журнале «Заря», посвященных жизни и творчеству Герцена, Страхов опубликовал в книге «Борьба с Западом в нашей литературе». Несомненно, что некоторые желаемые положения Страхов выдавал за действительные, но, тем не менее, его интерпретация эволюции политических взглядов Герцена безмерно важна. Герцен — «явление, отошедшее в историю». Можно ли теперь простить ему его деятельность и говорить о нем спокойно, задается вопросом Страхов. Проблема поставлена, нужно ответить на вопрос и аргументировать точку зрения. Примечательно, что критик обращается к слову «история», это означает, что Герцен в любом случае стал «элементом эволюции», важной вехой в «умственном развитии» русского народа. Следовательно, Страхов «прощает» Герцена и, одновременно, выступает в роли судьи, но мягкого и справедливого, способного разобраться в сложной, противоречивой роли Искандера, которую тот играл в общественной жизни, и дать правильную оценку его деятельности. Уже этими своими замечаниями «младший почвенник» сглаживает слишком резкие, крайние характеристики своих старших коллег (слепое поклонение Григорьева, яростную ненависть Достоевского). Посмотрим, какими качествами наделяет Страхов Герцена.

Первое. Для Страхова Герцен являлся агитатором, правда непростым, роль последнего лишь частично совпадала с его литературной деятельностью, Герцен — это «носитель известных мыслей и взглядов, которые высказывать для него было главной и существенной потребностью»¹⁰. Страхов отказывает Герцену во всякой революционности, которую он заменяет словом «агитация», и старается избежать оценок Герцена как радикального, точнее, истинно радикального мыслителя. Разгадку столь интересного поведения можно искать в том, что Страхов пытается оправдать Герцена перед лицом консервативных и охранительных обвинений «в измене русскому народу», в «пагубном влиянии на молодежь».

Второе. Страхов определяет пессимизм основополагающим началом миропонимания Герцена. (Советское герценоведение всячески опровергало это мнение Страхова, что, соответственно, не сказалось положительно на изучении жизни и деятельности Герцена. Так, советские ученые писали: «Пессимистические высказывания Герцена в изложении Страхова оказались гипертрофированными и превратились в основополагающую черту его (Герцена. — *А.П.*) взглядов»¹¹.) Конечно, пессимизм является одним из многих элементов мирозерцания Герцена, но нельзя не согласиться с тем, что также он является одним из основных положений его мировоззрения. Отсюда исходят все мысли и взгляды Герцена. Страхов не определял отрицательно публицистическую деятельность Искандера, как писали советские ученые, он хвалит ее, не забывая, однако, прибавить, что глубокомысленна его литературная деятельность только лишь как развитие пессимизма.

Третье. Страхов определяет задушевные стремления Герцена, которые исходят из его пессимистического миропонимания, как:

- «отрицание авторитетов»;¹²
- «горячее сочувствие к практическим интересам».

Показывая односторонность воззрений Искандера, Страхов как бы заранее предупреждает, что эта «пессимистическая субъективность» всегда определяет истинные, точнее сказать, правильные убеждения Герцена, затеняя их. В любом случае в глубокомысленности Герцену Страхов не отказывает. Он предупреждает, что, «указывая на постоянную односторонность мыслей Герцена», он не желает отнять у него всякие права на истинное понимание вещей. На наш взгляд, Страхов не то чтобы ошибся, понимая пессимизм главной чертой настроения Герцена, но немного преувеличил и, в какой-то степени, искадил действительность.

Четвертое. Примечательно, что Страхов сопоставляет Герцена с Чаадаевым (действительно, у них много общего), но в пример он приводит лишь отрицательные черты их мировоззрений. «России он (Герцен. — *А.П.*) не понимал; как Чаадаев, он ничего не умел видеть ни в ее настоящем, ни в ее прошедшем». ¹³ Страхов предлагает заглазить то «зло, которое нанес Герцен и нам и самому себе» ¹⁴. «Теперь необходимо стать к нему в правильное отношение», — считает Страхов, обойдя все ненужное в его учении и оставив все, что необходимо для обоснования собственной позиции. ¹⁵

Пятое. Отказывая Герцену в революционности, Страхов определяет ее лишь перцем, приправой, которую и «поглощали с жадностью, не обращая внимания на самое кушанье, на настоящий вкус мыслей и взглядов Герцена» ¹⁶.

Шестое. Анализируя становление взглядов Герцена, Страхов считает, что из западников он был самой крупной звездой. ¹⁷ Более того, Герцен был не просто поклонник и почитатель западного, он был западным человеком, «который слился всей душой с западной жизнью, вполне и до конца жил идеями этой жизни». Страхов предпочитает Герцена другим западникам, включая таких величин отечественной мысли, как Белинского и Грановского. Неодобрительно отзываясь о безостановочном прогрессе, Страхов восклицает «бедный Герцен!», дело в том, что прогресс, для Страхова, не что иное, как социализм, он сочувствует Герцену, что тот решил прогрессировать «как можно глубже и радикальнее» ¹⁸. По мнению Страхова, вскоре Герцен понял, что социализм живет лишь одним противоречием существующему порядку, и стал обличать уже его с большей силой и в более мрачных тонах. Вследствие всего вышесказанного, можно сделать вывод, что для Страхова Герцен — первый западник, отчаявшийся в Западе. Для Страхова западный человек уже таким переставать быть не может, и в силу этого он оставляет на Искандере вечный ярлык разочаровавшегося в своих идеалах и убеждениях человека.

Социализм — только разрушение, поэтому Герцен всячески способствовал ему, это был единственный выход способствовать развитию прогресса; «отсюда объясняется постоянная приверженность Герцена социализму», но планов и теорий которого он никогда не понимал и не проповедовал, отсюда, следовательно, сочувствие всяким революционным попыткам, которые собственно, для него были всегда чужды. ¹⁹ На наш взгляд, наиболее удачное объяснение укореившихся радикальных убеждений Герцена заключается в следующем: «Герцен один из самых поразительнейших примеров того, как глубоко может человек проникаться идеями. Эта преданность раз принятым началам составляет всегда привлекательную черту в человеке, это всегда указывает натуру, которая жива не о едином хлебе». ²⁰ Действительно, Герцен был социалистом не оттого, что развитие социализма означало хоть какое-нибудь эволюционное движение прогресса; социалистом он стал, потому что изначально принял радикальные убеждения и, взявшись за них, не мог отказаться, бросить, не мог простить себе, что выбрал «неправильный путь». Здесь же необходимо отметить несостоятельность представлений о Герцене как о выдающемся революционере, так как он был вовсе не революционером, он являлся глашатаем свободного слова, агитатором (как считает Страхов) в крайнем случае. «Жизнь и деятельность Герцена имеют величайшую важность для вопроса «Что такое мы, русские?»» ²¹ — говорит Страхов, но, провозгласив этот вопрос, сам впадает в противоречие, так как 1) Герцен никогда не был типичным русским, 2) сам Страхов называет его «западным человеком», отказывая ему в национальном характере. Медленно Страхов подводит нас к мысли, что идеи Искандера, эволюционируя и развиваясь, становились более консервативными, где-то даже отождествлялись со славянофильскими («его (Герцена. — *А.П.*) вера в Россию носит отпечаток славянофильства» ²²). Итак, наградив Герцена многими противоречивыми, сложными характеристиками, Страхов определяет идейное течение, которое породил сам Герцен и которому он принадлежал, как нигилизм. Под последним же Страхов понимает не воплощение всяких глупостей, которые привык видеть русский народ, а «вольнодумство» (курсив

мой. — *А.П.*) до того страшное, резкое, сознательное, последовательное, что оно переходило в воззрения прямо противоположные, почти являлось отречением от всякого вольнодумства»²³. Нигилизм для Страхова в том виде, в каком его представлял Герцен, — это прежде всего «прогресс в нашем умственном развитии», «глубокое и искреннее усилие мысли». «Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила, а во многих отношениях оказался истинно русским человеком», — таков вердикт Страхова Герцену.²⁴

Примечательно, что почвенническое, консервативное направление отказывается признавать в Герцене социалиста, радикала, революционера. Почвенники либо принимали Герцена на свою сторону, либо отказывались от него, но единодушно видели в нем фигуру антиреволюционную:

1) Григорьев, самый умеренный критик (до того умеренный, что становится его поклонником), интерпретирует позицию Герцена как консервативную;

2) Достоевский, самый радикальный ненавистник Герцена, отрицательно отзываясь об его убеждениях, но представляет их исключительно либеральными;

3) Страхов, самый последовательный почвенник, более всех приблизившийся к объективности, определяет Герцена как консервативного, нигилистического славянофила.

Таким образом, Н. Страхов использовал Герцена в качестве аргумента в борьбе с радикальными течениями и с западническими тенденциями, отстаивая консервативные принципы и национальную самобытность.

¹ Знаменитый принцип «официальной народности» графа Уварова.

² *А.В. Гулыга. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 77.*

³ *А.В. Гулыга. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 80.*

⁴ *А.В. Гулыга. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 62.*

⁵ *А.В. Гулыга. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 61.*

⁶ *А.В. Гулыга. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 147.*

⁷ Подробнее об этом в книге: *А.А. Григорьев. Воспоминания. Л., 1980.*

⁸ *Ф.М. Достоевский. Идиот. Л., 1987. С. 347.*

⁹ *Ф.М. Достоевский. Идиот. Л., 1987. С. 348.*

¹⁰ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 2.*

¹¹ *М.И. Гиллельсон, Е.Н. Дрыжакова, М.К. Перкаль. А.И. Герцен. Семинарий. М.-Л., 1965. С. 86.*

¹² Здесь необходимо сказать, что эта черта — неотъемлемый признак нигилистического миропонимания, но об этом ниже.

¹³ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 45.*

¹⁴ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 47.*

¹⁵ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 47.*

¹⁶ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 48.*

¹⁷ Характерно, что А. Григорьев не только считал А. Герцена «благородным главой западников», но еще и только его единственным принимал за «своего».

¹⁸ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 88.*

¹⁹ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 88.*

²⁰ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 88.*

²¹ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 91.*

²² *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 100.*

²³ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 113.*

²⁴ *Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 137.*